УДК 821.161.1.09

Мирзаева С.Д.
преподаватель
кафедра русской литературы и методики обучения
Узбекский государственный университет мировых языков
(г. Ташкент, Узбекистан)

ЦВЕТОВАЯ ПОЭТИКА И СИНЕСТЕЗИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА («ДРУГИЕ БЕРЕГА»)

Аннотация: *в статье рассматривается цветовая поэтика автобиографической книги В.В. Набокова «Другие берега» (1954) в связи с феноменом синестезии («цветного слуха»), которым обладал писатель. Синестетическое восприятие анализируется не как биографический курьёз, а как устойчивый принцип организации художественного текста. На материале русской версии автобиографии и её англоязычных редакций («Conclusive Evidence», «Speak, Memory») выделены четыре функции цветовой детали: мнемоническая, родовая (идентификационная), метапоэтическая и метафизическая. Показано, что при автопереводе книги на русский язык Набоков заново «окрашивает» кириллический алфавит, и эта работа становится частью его концепции памяти как творческого воссоздания прошлого. Сделан вывод о том, что цвет в «Других берегах» выполняет роль связующего кода между чувственным опытом, памятью и словом.*

Ключевые слова: *Владимир Набоков, Другие берега, синестезия, цветовая поэтика, автобиография, память, автоперевод, русская эмигрантская литература.*

Творчество В.В. Набокова принадлежит к числу наиболее изученных явлений литературы XX века, однако интерес к нему не ослабевает. Отчасти это объясняется тем, что набоковский текст устроен как многоуровневая система, в которой стилистическая деталь почти всегда несёт смысловую нагрузку. Одной из таких деталей является цвет. Читатель Набокова сразу замечает необычайную насыщенность его прозы цветовыми обозначениями, причём не только

количественную, но и качественную: писатель избегает «общих» цветов, предпочитая сложные, составные, предметно мотивированные оттенки. Исследователи давно связывают эту особенность с биографическим фактом: Набоков обладал синестезией, а именно так называемым цветным слухом, при котором звуки и буквы вызывают устойчивые цветовые ощущения [3, 10].

Наиболее подробно этот опыт описан самим писателем в автобиографии, существующей в нескольких редакциях. Тем не менее в литературоведении синестезия Набокова чаще упоминается как любопытная черта личности, нежели рассматривается в качестве принципа построения текста. Между тем именно в автобиографической прозе, где автор сознательно выстраивает модель собственного восприятия, этот принцип выявляется особенно отчётливо.

Актуальность исследования определяется, во-первых, возрастающим интересом современной гуманитарной науки к проблемам телесности и чувственного восприятия в литературе, во-вторых, активным изучением феномена автоперевода и двуязычного творчества, в-третьих, сохраняющейся потребностью в целостном описании поэтики «Других берегов» как самостоятельного русского текста, а не только «перевода» английской книги.

Обратимся к тому, как синестезия представлена в самом тексте. Рассказ о «цветном слухе» помещён Набоковым во вторую главу «Других берегов», посвящённую матери, и это композиционное решение глубоко значимо. Писатель вспоминает, что в раннем детстве, играя с азбучными кубиками, заметил, что буквы на них «окрашены неправильно», то есть не совпадают с теми цветами, которые он сам ощущал. Мать, выслушав его, не удивилась: оказалось, что она и сама воспринимает буквы в цвете, хотя и иначе, чем сын [3, 8]. Таким образом, синестезия с первых страниц вводится не как изолированная особенность, а как семейный дар, как знак духовного родства матери и сына. В английской редакции Набоков развивает эту линию дальше, сообщая, что цветным слухом обладают также его жена и сын, причём палитра сына как бы сочетает оттенки родителей [13]. Цветное восприятие алфавита оказывается своего рода родовой памятью, передающейся из поколения в поколение.

Существенно, что Набоков описывает цвета букв не абстрактно, а через осязательные и материальные характеристики: буквы у него не просто «красные» или «синие», но имеют фактуру, плотность, блеск, напоминают дерево, металл, ткань, шоколад, драгоценные камни. Такая манера описания соответствует наблюдениям психологов, отмечающих, что синестетические ощущения, как правило, конкретны, устойчивы и не поддаются произвольному изменению [12]. Б.М. Галеев, изучавший синестезию в искусстве, подчёркивал, что художественная синестезия представляет собой не столько физиологическое явление, сколько особый тип образного мышления, основанный на межчувственных ассоциациях [5]. У Набокова оба аспекта совпадают: подлинный психофизиологический опыт становится материалом для сознательной художественной работы.

Особого внимания заслуживает то, как синестетический фрагмент вписан в контекст главы. Рядом с рассказом о цветных буквах в автобиографии появляются материнские драгоценности, которыми мальчик любовался во время болезни, и описание детского жара, когда сознание оказывалось во власти огромных чисел. Цвет, свет, блеск камня, математическая абстракция и детская болезнь образуют единый ассоциативный комплекс. Тем самым синестезия предстаёт не отдельной темой, а частью более широкого переживания мира как чуда, доступного только особому, «одарённому» зрению. Этот мотив дара, как известно, станет центральным в романе «Дар», где синестетическое восприятие алфавита наследует герой-писатель Фёдор Годунов-Чердынцев [7]. Автобиография и роман вступают, таким образом, в отношения взаимного комментария.

Анализ текста «Других берегов» позволяет выделить несколько основных функций цветовой детали. Первую из них можно назвать мнемонической. Набоковская концепция памяти, как неоднократно отмечалось исследователями, строится на представлении о прошлом как о сохранённом, но требующем творческого усилия для своего воскрешения [1, 11]. Воспоминание у Набокова не «всплывает» само собой: его необходимо восстановить в мельчайших

подробностях, и цвет выступает здесь одним из главных инструментов. Характерный пример – цветные стёкла веранды в усадьбе Выра, сквозь которые мальчик разглядывал сад. Каждое стекло окрашивало пейзаж по-своему, и мир словно распадался на несколько параллельных версий. Этот образ может быть прочитан как модель набоковской поэтики памяти: прошлое существует в разных «окрасках», и задача автора – найти ту, в которой оно предстанет с максимальной ясностью.

Вторая функция – родовая, или идентификационная. Как уже говорилось, цветной слух объединяет мать и сына, а в английской версии – и последующие поколения семьи. Цвет становится маркером принадлежности к утраченному миру русского детства. Поскольку для эмигранта Набокова этот мир был безвозвратно потерян в 1919 году, цветовая память приобретает характер своеобразного наследства, которое невозможно отнять. Б. Бойд в биографии писателя подчёркивает, что именно культ точного, «окрашенного» воспоминания позволял Набокову сохранять внутреннюю связь с Россией в условиях изгнания [3]. Б.М. Носик также обращает внимание на то, что образ дома в Выре в автобиографии подчёркнуто живописен, словно перенесён на холст [10].

Третью функцию можно определить как метапоэтическую. Цвет в «Других берегах» – это не только предмет изображения, но и способ размышления о природе художественного слова. Описывая окраску букв, Набоков, в сущности, говорит о том, что слово для него материально: оно имеет цвет, вес, фактуру. Писатель ощущает язык как живописец ощущает краски. Не случайно в автобиографии упоминаются уроки рисования, которые давал юному Набокову М.В. Добужинский, приучавший ученика рисовать предметы по памяти [3, 8]. Навык зрительной точности и навык точности словесной сливаются: проза Набокова строится как последовательность тщательно «прописанных» деталей. А.А. Долинин отмечает, что для Набокова характерно представление о литературе как о высшей форме восприятия, в которой

авторская оптика оказывается важнее фабулы [6]. Цвет – одно из главных проявлений этой оптики.

Четвёртая функция – метафизическая. В.Е. Александров убедительно показал, что за набоковским вниманием к деталям стоит представление о «потусторонности», о скрытом узоре бытия, проступающем сквозь случайные совпадения и подробности [2]. Цветовые узоры, будь то окраска крыльев бабочки, узор на стекле или радужная гамма алфавита, оказываются у Набокова знаками этого высшего порядка. Энтомологические страницы автобиографии особенно показательны: окраска бабочки, её мимикрия, сложность рисунка на крыле описываются как свидетельство того, что природа ведёт себя подобно художнику, создавая красоту, избыточную с точки зрения простой полезности. Синестетическое зрение позволяет автору увидеть то же самое и в языке: буквы складываются в «радугу», и случайный, казалось бы, порядок звуков обретает эстетическую закономерность. Так, в английской версии автобиографии Набоков приводит собственное «радужное слово», составленное из букв, цвета которых образуют спектр [13].

Выделенные функции цветовой детали обобщены в таблице 1.

Таблица 1. Функции цветовой детали
в книге В.В. Набокова «Другие берега».

Функция	Проявления в тексте	Художественный смысл
Мнемоническая	Цветные стёкла веранды в Выре, точные оттенки предметов детского быта	Цвет как инструмент воскрешения прошлого
Родовая (идентификационная)	Цветной слух матери и сына, сопоставление их «палитр»	Цвет как знак семейного родства и связи с утраченной Россией
Метапоэтическая	Описание цвета и фактуры букв, уроки рисования у М.В. Добужинского	Слово как материальный, «живописный» объект
Метафизическая	Окраска и мимикрия бабочек, «радужное» сочетание букв	Цвет как след скрытого узора бытия

Отдельного рассмотрения требует вопрос о том, как цветовой код меняется при переходе от английской версии автобиографии к русской. «Другие берега» нельзя назвать переводом в строгом смысле слова: Набоков создал самостоятельный русский текст, во многом переработав композицию, сократив одни эпизоды и дополнив другие. Исследователи, сопоставлявшие редакции, отмечают, что русская версия обращена к иному читателю, способному без пояснений узнать реалии дореволюционного быта, литературные цитаты и аллюзии [1, 11]. Применительно к цветовой поэтике эта переработка особенно интересна, поскольку синестезия Набокова была «привязана» к конкретным алфавитам.

В английском тексте писатель описывает цвета латинских букв и попутно замечает, что одна и та же буква может по-разному окрашиваться в английском и французском произношении. Переходя к русскому тексту, Набоков не мог просто перевести эти описания: кириллические буквы обладали для него собственными цветами. В результате фрагмент о цветном слухе в «Других берегах» строится на материале русского алфавита, а сопоставление с латинскими аналогами превращается в тонкую игру различий. Так, говоря о букве «Ж», автор сравнивает её с французским «J», подчёркивая, что они различаются, как горький шоколад отличается от молочного [8]. Автоперевод становится здесь буквально «перекрашиванием» текста: меняется не только язык, но и цветовая материя слова.

Этот факт имеет принципиальное значение для понимания набоковского двуязычия. Если для большинства переводчиков переход с языка на язык означает поиск смысловых эквивалентов, то для Набокова он был сопряжён ещё и с переходом из одной цветовой вселенной в другую. М.Д. Шраер, исследуя набоковские рассказы, обращает внимание на то, что писатель воспринимал смену языка как болезненную утрату, сравнимую с утратой родины [11]. В свете синестезии эта утрата получает дополнительное, почти физическое измерение: отказ от русского языка означал отказ от целой палитры ощущений. Соответственно, возвращение к русскому языку в «Других берегах» можно

рассматривать как попытку вернуть себе эту палитру, восстановить «русские цвета» детства.

Немаловажно и то, что Набоков сам осознаёт возможную реакцию читателя на столь подробные признания. Он предупреждает, что исповедь синестета может показаться претенциозной и скучной тем, кто лишён подобного восприятия [8]. Это авторское замечание выполняет двойную роль. С одной стороны, оно защищает текст от упрёка в самолюбовании, с другой – разделяет читателей на «посвящённых» и «непосвящённых», подчёркивая элитарный характер набоковского видения. Такой приём вообще свойственен писателю, который в лекциях по литературе призывал читать медленно, «с воображением», замечая и смакуя детали [9]. Идеальный читатель Набокова – это читатель, способный хотя бы отчасти разделить его обострённую чувствительность к цвету и форме.

Следует также подчеркнуть, что цветовая поэтика «Других берегов» тесно связана с общей концепцией времени в творчестве Набокова. Писатель неоднократно высказывал мысль о том, что время для него представляет своего рода тюрьму, из которой человек стремится вырваться. Память и искусство служат средствами такого освобождения. Цвет, зафиксированный с предельной точностью, обладает свойством «останавливать» мгновение: описанный оттенок перестаёт быть случайным впечатлением и становится вневременным образом. В этом отношении синестезия, связывающая разные чувственные ряды в единое целое, предстаёт моделью той целостности, которую автор стремится обрести вопреки разрушительной работе времени. Не случайно в критической литературе о Набокове, собранной, в частности, в антологии «В.В. Набоков: pro et contra», многократно подчёркивается особая роль зрительного образа в его художественном мире [4].

Полученные наблюдения позволяют уточнить место синестезии в набоковской поэтике в целом. Цветной слух не определяет сам по себе характер набоковской прозы – им обладали многие люди, не ставшие писателями. Однако у Набокова этот дар был осмыслен, отрефлексирован и превращён в

художественный принцип. Писатель последовательно стремится к тому, чтобы слово передавало не только смысл, но и чувственное качество предмета, а различные модальности восприятия – зрительная, слуховая, осязательная – взаимодействовали в пределах одного образа. «Другие берега» оказываются тем текстом, где этот принцип не только реализуется, но и обнажается, становясь предметом прямого авторского комментария.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, синестезия в «Других берегах» представлена не как биографическая подробность, а как элемент художественной концепции личности, связывающий автора с матерью, семьёй и утраченной Россией. Во-вторых, цветовая деталь выполняет в тексте по меньшей мере четыре функции – мнемоническую, родовую, метапоэтическую и метафизическую, – которые взаимно дополняют друг друга. В-третьих, при автопереводе автобиографии на русский язык Набоков заново «окрашивает» алфавит, вследствие чего цветовая поэтика русской версии приобретает самостоятельное значение и не может рассматриваться как простое воспроизведение английского оригинала. В-четвёртых, цвет в художественной системе Набокова выступает связующим кодом между чувственным опытом, памятью и словом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003
2. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1999
3. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: биография / пер. с англ. М.: Независимая газета, СПб.: Симпозиум, 2001
4. В.В. Набоков: pro et contra: личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. Т. 1. СПб.: РХГИ, 1997

5. Галеев Б.М. Человек, искусство, техника (проблема синестезии в искусстве). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987

6. Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004

7. Набоков В.В. Дар // Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 4. СПб.: Симпозиум, 2000

8. Набоков В.В. Другие берега // Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2000

9. Набоков В.В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. М.: Независимая газета, 1996

10. Носик Б.М. Мир и дар Владимира Набокова: первая русская биография писателя. М.: Пенаты, 1995

11. Осипова А.В. Исповедальное начало в рассказе З. Прилепина «Карлсон» // XVIII Виноградовские чтения. 2022. С. 154–156 https://doi.org/10.52376/978-5-907541-95-5_153

12. Степанова Н.С., Петрухина Н.М. «Личная обочина общей истории»: трансформация повествовательных моделей автобиографической прозы в творчестве В.В. Набокова // Иностранные языки в Узбекистане. 2020. № 1. С. 198–208

13. Родина И.В. Система религиозных концептов в произведениях малых жанров современной прозы // Открытие русского мира: преподавание русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин в современном образовательном пространстве. 2021. С. 128–131

14. Шраер М.Д. Набоков: темы и вариации. СПб.: Академический проект, 2000

15. Cytowic R.E. Synesthesia: A Union of the Senses. 2nd ed. Cambridge

Mirzayeva S.D.

Lecturer

Department of Russian Literature and Teaching Methods

Uzbek State University of World Languages

(Tashkent, Uzbekistan)

COLOR POETICS AND SYNESTHESIA IN VLADIMIR NABOKOV'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE («OTHER SHORES»)

Abstract: *this article examines color poetics in Vladimir Nabokov's autobiographical book «Other Shores» (1954) in relation to synesthesia («colored hearing»), which the writer experienced. Synesthetic perception is analyzed not as a biographical curiosity but as a consistent principle of literary organization. Drawing on the Russian version of the autobiography and its English-language editions, «Conclusive Evidence» and «Speak, Memory», the article identifies four functions of color detail: mnemonic, familial (identity-forming), metapoetic, and metaphysical. It shows that, in translating the book into Russian, Nabokov «recolors» the Cyrillic alphabet, making this process part of his conception of memory as a creative re-creation of the past. The article concludes that color in «Other Shores» serves as a code linking sensory experience, memory, and language.*

Keywords: *Vladimir Nabokov, Other Shores, synesthesia, color poetics, autobiography, memory, self-translation, Russian émigré literature.*